

Е.Н. Михайлова

Грушницкий

(Из книги «Проза Лермонтова»)

Утверждая в образе Печорина черты, когда-то составлявшие содержание его мятежной романтики, Лермонтов одновременно оттеняет их подлинность и через противопоставление им искусственной романтической позы, воплощением которой является Грушницкий.

В образе Грушницкого Лермонтов запечатлел вполне реальный характерный тип русской жизни 1830-х годов, в котором выразилось всеобщее увлечение модой на разочарованность и романтизм в духе Марлинского. У Грушницкого этот колорит «марлинизма» усугубляется пребыванием на Кавказе в качестве юнкера в одной из частей, участвующей в боевых действиях. Это дает ему возможность разыгрывать «героя-кавказца» по Марлинскому и одновременно изображать из себя разжалованного в солдаты, гонимого судьбой рокового страдальца, для чего он, по особому рода франтовству, носит толстую солдатскую шинель. Лермонтов использовал этот бытовой тип для защиты жизненной правды и «реализма» воззрений против субъективистского пренебрежения действительностью. Романтической «фразе» Грушницкого Лермонтов противопоставляет подлинную глубину и силу мятежной мечты и горечи разочарования Печорина. Через противопоставление Грушницкого и своего главного героя Лермонтов отстаивает одновременно и права объективной действительности против субъективистского закрывания глаз на нее и подлинную, содержательную, оправданную жизнью романтику стремлений против лживой псевдоромантики.

Лермонтов рисует Грушницкого как человека, все помыслы и вкусы которого направлены в сторону «поэтического», но это поэтическое понимается непременно как отрицание того, что есть в действительности. Так, он драпируется «в необыкновенные чувства, возвышенные страсти и исключительные страдания». Поэтично для него только то, что не похоже на обыкновенное, встречающееся рядом, реальное. Поэтому «просто прекрасное» «не трогает» его. Из себя он также разыгрывает «существо, не созданное для мира». Между красотой и жизнью для него должен быть обязательный разрыв, — иначе это не красота. Это противопоставление «поэтического» и реального Грушницкие 1830-х годов великолепно иллюстрируют своей собственной жизнью: невзирая на любовь к пышной фразе и жажду «производить эффект», «под старость они делаются либо мирными помещиками, либо пьяницами, — иногда тем и другим». Такое понимание поэзии и красоты в корне противоположно позиции Лермонтова-реалиста, который открывает прекрасное в рядом идущей, неприкрашенной жизни. Для Лермонтова-реалиста не может быть поэтического без верности правде и простоте жизни, и, делая своим единомышленником Печорина, он устами своего героя выносит Грушницкому приговор: «В их (Грушницких) душе часто много добрых свойств, но ни на грош поэзии».

Узаконение разрыва между «прекрасным» и действительностью у Грушницкого означает замыкание в себе, в собственных домыслах и слепоту к жизни. Характерно замечание Печорина, что Грушницкий «не знает людей и их слабых струн, потому что занимался целую жизнь одним собою». Такой упрек со стороны эгоиста Печорина является укором Грушницкому не за недостаток самоотверженности и любви к людям, а за игнорирование объективной правды действительности. Равнодушие к действительному, реальному — настолько определяющая, ярко выраженная особенность Грушницкого, что Лермонтов подчеркивает ее даже в деталях его поведения: так, с ним невозможно спорить,

потому что «он вас не слушает», отвечая только на собственные мысли и не обращая внимания на возражения собеседника.

Однако сосредоточение на себе самом и слепота к действительности лишают «поэтическое» всякого содержания. Но бессодержательная красота есть только внешняя, пустая форма и, следовательно, только видимость «красоты», ложь. Фальшью являются пышные фразы Грушницкого, его страсть декламировать, его выдуманные, бьющие на эффект, на самом деле отсутствующие чувства. Так, Лермонтов противопоставляет две концепции поэтического: одна — замыкающаяся в пределах субъекта, «интроспективная», покоящаяся на своего рода духовном «нарциссизме», слепом и глухом к подлинной жизни, и потому утверждающая бессодержательную, фальшивую псевдопоэтичность; вторая — исходящая из правды жизни и потому подлинно содержательная и глубокая. Первая концепция подвергнута ядовитой насмешке в лице Грушницкого; вторая — отражена негативно в тех критериях, с помощью которых разоблачается Грушницкий, и воплощена непосредственно в реалистической романтике образа Печорина.

Отсутствие собственного содержания Грушницкий вынужден компенсировать «заимствованием» его от других, но при этом, конечно, заимствуется опять-таки лишь внешняя форма, поскольку ей в самом Грушницком не отвечает никакое содержание. Образцом для подражания Грушницкому служит Печорин, отвечающий романтическим критериям его внешней судьбой «изгнанника» и внутренним обликом сильного, скрытного, следовательно, «таинственного», разочарованного героя.

Грушницкий копирует с Печорина и эту внешнюю историю его судьбы, имитируя роль разжалованного и, следовательно, сосланного на Кавказ, и разочарованность Печорина, и наличие каких-то роковых, ни для кого не понятных тайн. В отличие от Печорина, который прячет от других свою «болезнь», Грушницкий крикливо выставляет напоказ свой псевдоромантический облик. Самодовольное погружение в собственную персону и отсутствие чутя действительности порождают при этом у Грушницкого крайне преувеличенные формы демонстрации своей заимствованной личины.

Печорин выступает рядом с Грушницким как реалист, как носитель трезвой жизненной правды, разоблачающий лживую псевдоромантическую позу Грушницкого.

В срывании «поэтической» маски с лица Грушницкого есть и другая сторона: здесь разоблачается не только пренебрежение к реальности, но и эгоцентризм, «язычество», самовлюбленное признание интересов собственной личности верховным критерием всех поступков. Недаром Лермонтов неоднократно отмечает самодовольство Грушницкого. Недаром Печорин управляет поступками и чувствами Грушницкого, играя на его самолюбии. Когда его мелочное самолюбие затронуто, он способен пойти на пакости и подлости. Так он соглашается сначала на дуэль с незаряженными у обоих противников пистолетами, как соглашается потом тайком оставить незаряженным пистолет только у одного Печорина. То же самолюбие слабого человека вызывает у Грушницкого внезапную вспышку такой ненависти к Печорину, что он предпочитает неизбежную смерть прощению со стороны этого человека, с которым, как он говорит, «нам на земле вдвоем нет места...» Грушницкий в ряде моментов, как может показаться из сказанного выше, будто бы повторяет особенности образа Печорина. Три черты, кажется, связывают эти образы между собой: 1) замыкание внутри себя и отталкивание от внешней действительности; 2) противоречие между субъективными стремлениями или представлениями и действительностью; 3) эгоистический индивидуализм. Однако нетрудно убедиться, что образ Грушницкого повторяет при этом лишь те «отрицательные» стороны личности Печорина, которые сложились в результате извращения прирожденных черт его характера данными общественными условиями. Подлинная натура Печорина, стоящая за этими чертами и противоречащая им, сообщает его характеру ту содержательную глубину и силу, которой так не хватает Грушницкому. Замыкание в своих внутренних переживаниях у Печорина обозначает протест против существующего строя отношений, но не общественной

жизни вообще, к которой влечет его натура борца и деятеля; самый внутренний мир его опирается на правильное понимание действительности и интерес к внешнему миру. У Грушницкого же за субъективистским замыканием в себе не скрывается никакого содержания, вызванного интересом и пониманием действительного мира. Противоречие между внутренним, субъективным миром и действительностью имеет совершенно разный смысл у Печорина и Грушницкого. У последнего это фальшь и преувеличенность субъективных представлений, расходящихся с реальностью и делающих Грушницкого смешным. У Печорина это невозможность воплотить в жизнь глубокие, сильные, реальные стремления. И это противоречие делает фигуру Печорина не смешною, а трагической. Наконец, эгоцентризм Грушницкого мелок, он исключает собою какой бы то ни было гуманизм и величие духа. Печорин, наоборот, несмотря на его эгоцентризм, жаждет найти для себя содержание в великих целях и могучем действии. Кажущиеся внешне сходными образы Печорина и Грушницкого встают как противоположность фальшивой личности и реально-жизненного содержания личности, как противоречия искусственности и правды, мелочного самовлюбленного эгоизма и глубины, величия стремлений. Через противопоставление этих двух образов Лермонтов выступает против субъективистского презрения к реальности и эгоистического замыкания в себе, за верность жизни, правде, человечности. <...>